

Пролежав дома два дня, Е Сяои дождался, пока наконец утихнет головокружение, и первым же делом отправился мстить.

Маленький мерзавец, выродок этого Ван Эргоу, пробил ему голову — простить такое? Да если бы покойный отец Сяо И узнал, что его сына избили, а тот утерся и промолчал, он бы в гробу перевернулся от стыда.

Отец Е Сяо И в своей прошлой жизни верховодил грозной бандой, так что унаследовавший трон молодой главарь не признавал благородной чуши вроде «благородный муж мстит и через десять лет». Око за око, и желательно прямо сейчас — вот его метод. Ждать десять лет? Да к тому времени Сяои и думать забудет о существовании ублюдка. Слишком много чести — держать в памяти отпрыска какого-то старого проходимца.

Разминая кулаки, Сяо И хищно прищурился. Нашёлся смельчак перебежать ему дорогу! Что ж, он заставит этого щенка горько пожалеть о том, что тот вообще появился на свет.

Не обращая внимания на повязку, стягивающую лоб, Сяо И отправился разузнать всё о семействе Ван Эргоу.

Как выяснилось, грозу округа звали Ван Дацин. В деревне его, правда, величали не иначе как Ван Эргоу. Был он дальним родственником местного Господина Вана и, пользуясь этим покровительством, всю тиранил соседей. Прибрать к рукам землю беззащитного чужака, силой утащить в наложницы сироту или искалечить парня из бедной семьи — для него это было обычным делом. Да и остальные домочадцы не отставали: таскали кур, обчищали чужие огороды, а ввалиться в чужой дом и перебить там посуду ради забавы считали нормой.

За глаза деревенские звали его Ван Эргоу, но в лицо пикнуть не смели — прознай этот бузотёр о подобных вольностях, вмиг бы челюсть свернул. Связываться с ним никто не хотел, а подраставший сынок, Ван Гаоцзюнь, унаследовал худшие повадки отца. С малых лет соседи иначе как Маленьким мерзавцем его не называли.

Из-за чего именно этот мелкий паршивец повздорил с прежним хозяином тела, Е Сяои не знал, да и знать не желал. Главное — выскочку нужно проучить. Мальчишка станет первой жертвой в его списке, и этот урок он запомнит на всю оставшуюся жизнь: никогда не вставай на пути у молодого господина Е.

Проследив несколько дней за бездельником, который только и делал, что гонял соседских собак да дразнил кур, Сяо И составил план действий. Каждый день мерзавца теперь должна была ждать новая ловушка.

В первый же день Маленький мерзавец, как обычно, отправился крутиться у чужого курятника, высматривая, нельзя ли стащить только что снесённое яйцо. Но стоило ему перешагнуть через низкую плетёную изгородь, как обычно смирный цепной пёс вдруг истошно залаял и с яростью бросился на незваного гостя.

Сяо И, устроившись на ветке ближайшего дерева с рогаткой в руках, тихо посмеивался, поправляя повязку на лбу. Не зря в народе говорят: хочешь разозлить собаку — бей по носу. Чувствительный собачий нос — самое слабое место, один точный удар мелкими камешками лишил зверя остатков дружелюбия.

Оскалившийся пёс мертвой хваткой вцепился паршивцу прямо в задницу. Взвизгнув от боли, Ван Гаоцзюнь вывалился за калитку, но уходить с пустыми руками не пожелал — уселся прямо в дорожную пыль у ворот и принялся истошно голосить, требуя выкуп.

По старой пословице, за собачий укус полагается три меры риса. Вот только если связываешься с семейством Ван Эргоу, тремя мерами отделаться не получится: эти вымогатели скорее заберут вместе с курятником всю твою птицу.

Хозяин курятника быстро сообразил, к чему клонит наглый малец, и вскипел:

— Собака сидела на цепи за забором! Ты сам к ней полез, так чего теперь вопишь? Сам виноват!

Однако разве уличной рвани в толкуешь, что такое справедливость? Вскоре на подмогу явился разъярённый Ван Дацин, прихватив с собой влиятельного родственника-помещика. Дело дошло до деревенского старосты. Тот, хоть и занимал пустяковую должность, в казенных отписках знал толк: любую неприятность он предпочитал попросту затягивать, надеясь, что всё само как-нибудь утрясется.

Так и не получив желанной наживы, покусанный Ван Гаоцзюнь весь день исходил злобой. Рана зудела, тяжба застряла у старосты, и пакостник, чтобы хоть как-то выпустить пар, снова принялся за старое.

В те древние времена о бешенстве никто толком не слышал, укусы домашних собак считались делом житейским. Если пёс не выглядел шелудивым или явно безумным, никто особо не беспокоился. В крайнем случае, как советовал великий лекарь Бянь Цюэ, к ране нужно было приложить мозги укусившей тебя собаки — и болезнь как рукой снимет. Так что Ван Гаоцзюнь ничуть не испугался и продолжил пакостить с удвоенной силой.

Сяо И лишь предвкушающе щурился: следующая ловушка уже ждала своего часа. Было бы крайне невежливо со стороны мерзавца обойти её стороной после всех трудов Сяои.

Пока Сяо И безмятежно отлеживался дома, восстанавливая силы, его младшая сестра Е Сяомэй то и дело прибегала с радостными вестями.

— Брат, братик! — весело щебетала девочка. — Маленького мерзавца сегодня опять покарали боги! Он полез в пруд за рыбой и напоролся ногой на острый бамбуковый корень! Теперь сидит у рыбаков во дворе и требует денег за увечье!

— Отличные новости, — лениво отзывался Сяо И.

На следующий день Е Сяомэй прибежала снова:

— Брат, представляешь, у того придурка нога болит, а он всё равно полез на чужую кручу за мушмулой! И надо же — прямо сверху на него покатился огромный валун! Ногу ему, конечно, придавило, теперь орёт на всю деревню, требует, чтобы хозяин горы оплатил ему лечение!

— Какая поразительная живучесть у паршивца, — качал головой Сяо И.

Неприятности так и сыпались на голову Ван Гаоцзюня одна за другой. То он умудрится заглотнуть речной воды и три дня не слезать с отхожего места, то в постели обнаружит змею, то, решив передохнуть под деревом, получит струю птичьего помёта прямо на макушку. Стоило ему залезть в реку освежиться, как кожа покрывалась зудящими волдырями, а стоило пройти мимо мирно пасущегося быка — тот непременно награждал его увесистым пинком копыта.

Разумеется, за каждой из этих «случайностей» стоял изощрённый ум Сяо И. Столкнувшись с настоящим профессионалом своего дела, Маленький мерзавец был обречен страдать.

Вскоре несчастный Ван Гаоцзюнь начал всерьёз опасаться за свою жизнь. Каждое утро превратилось для него в кошмар: он со страхом ждал восхода солнца, гадая, какую ещё кару небесную приготовила ему судьба сегодня. Доведенный до ручки, он порой испытывал облегчение, когда с ним случалась очередная пакость с самого утра. «Ну вот, лимит бед на сегодня исчерпан, теперь можно выдохнуть», — думал он.

Но стоило ему расслабиться, как на пороге возникал разъярённый Ван Дацин:

— Паршивец! Ты зачем разбил мою любимую вазу?!

И Ван Гаоцзюнь на собственной шкуре познал всю горечь несправедливых обвинений, истошно вопя:

— Да не трогал я её! Не я это!

Е Сяои развлекался вовсю, находя в этой безжалостной игре искреннее удовольствие.

Дни летели за днями, а Сяо И даже не думал готовиться к государственным экзаменам. Его строчка в общем рейтинге застыла на позорном 498 629-м месте. Впрочем, до решающего испытания оставалось целых десять лет, так что парень не собирался забивать голову этой ерундой. Сдача экзаменов на звание Чжуанюаня — дело изнурительное, требующее недюжинного здоровья. Без крепкого тела там не выстоять.

Поэтому Сяо И сосредоточился на еде, сне и восстановлении сил. Шутка ли — пробитая голова! Если его будут мучить постоянные мигрени, о какой учебе вообще может идти речь?

Молодой наследник криминального авторитета восстанавливал здоровье ровно сто дней, и всё это время он превращал жизнь Ван Гаоцзюня в сущий ад. Ежедневное придумывание каверз стало для него отличной разминкой для ума и тела.

Затюканный до полусмерти малец заработал тяжелейшую психологическую травму и принялся обивать пороги всех окрестных храмов, слезно обещая богам исправиться, но проклятие не отступало. В конце концов замаливать грехи отправился и сам старый разбойник Ван Дацин. Он усердно бил поклоны перед статуями будд, обещая заняться благотворительностью, лишь бы небеса сжалились над его единственным наследником.

Спустя сто дней мучений череда несчастий прекратилась так же внезапно, как и началась. Всё потому, что Сяо И засобирался в дорогу.

Как только внук окончательно окреп, бабушка Е объявила, что им нужно ехать в уездный город навестить её младшего сына — дядю Е Цая, который умудрился сдать экзамен на звание сюцяя.

Под предлогом родственного визита скрывалось отчаянное желание пожилой женщины пристроить сирот. Старший сын погиб на войне много лет назад, его невестка недавно скончалась, а сама старушка уже стояла одной ногой в могиле. Тянуть двоих детей в одиночку ей было не под силу, вот она и решила переложить заботу о них на плечи преуспевающего младшего сына.

Сяо И прекрасно понимал, что эта поездка окажется пустой тратой времени. Чванливый дядюшка ни за что не согласится кормить лишние рты, да и сам Сяои не горел желанием переходить на чужое попечение. И всё же он согласился поехать. Посмотреть на уездный город, изучить местные порядки и оценить рыночные перспективы было делом полезным. Что же касается упрямой бабушки, то ей просто необходимо было лично столкнуться с суровой реальностью — только получив от ворот поворот от любимого сыночка, она окончательно оставит эту затею.

К тому же Сяо И давно уяснил главное правило своей стратегии: путь к званию Чжуанюаня начинается с тугого кошелька.

Сейчас в их доме не всегда хватало даже на миску простого риса. Прожить десять лет без копейки за душой невозможно. Экономика — вот фундамент любого успеха. Книги, качественная бумага, тушь, кисти, плата за обучение у хороших наставников — всё это требовало огромных средств. Если постоянно думать о пустом желудке, то вместо трактатов мудрецов в голове будут крутиться лишь мысли о похлёбке. Значит, сперва нужно заработать капитал.

Бывшему наследнику группы «Гиндза» уездный городишко показался провинциальным

захолустьем — ни одна лавка не стоила его внимания. Зато бабушка Е, обычная деревенская женщина, жутко переживала, как бы они не осрамились перед городскими родственниками. Она шла, испуганно озираясь, старалась держаться как можно чиннее и без конца поучала Е Сяомэй:

— Слышишь, егоза? Как войдем в дом, веди себя прилично и сразу со всеми поздоровайся. Поняла?

— Поняла, — тихо буркнула девочка.

Своего напыщенного дядю она видела от силы раз в год и дичилась его. Да и сама старушка, несмотря на решительный настрой, робела перед семьей невестки.

Оказавшись перед воротами богатого Поместья Ван, бабушка не решилась вести внуков через парадный вход. Свернув в узкий переулок, она постучалась в черную служебную дверь и осторожно спросила у приоткрывшего её слуги:

— Зять дома?

— Дома-то дома, да только и старый хозяин сейчас здесь, — ответил тот.

Слуги хорошо знали старуху: её младший сын осел в этом доме в качестве примака. Услышав, что сам Господин Ван на месте, бабушка заволновалась — не дай бог, дети попадутся на глаза хозяину и рассердят его своей неотёсанностью.

Покопавшись в складках засаленного пояса, она с трудом наскребла две медные монеты и сунула их в ладонь Сяо И:

— Сяо И, деточка, побудь с сестрой здесь. Я пойду переговорю с твоим дядей, предупрежу его. Ты только после болезни, если проголодаешься — купи перекусить. Я быстро.

Сяо И повертел в пальцах жалкие медяки, поднес к губам и дунул на них, как делал когда-то с серебряными долларами, но монеты даже не звякнули. Пока он с любопытством изучал местную валюту, Е Сяомэй уставилась на его руку голодным взглядом.

Будучи человеком широкой души, привыкшим сорить деньгами, Сяо И великодушно улыбнулся:

— Ну что, сестрёнка, чего тебе хочется? Пойдем выберем.

Спустя пару минут они уже стояли у глухой кирпичной стены Поместья, уплетая за обе щеки кисло-сладкие засахаренные боярышники на бамбуковых шпажках.

Тем временем из полуоткрытых ворот усадьбы донеслись приглушенные голоса дворовых слуг, обсуждавших последние новости:

— Слыхали? Пятнадцатого числа в Префектуре Янчжоу устроят невольничий рынок. С молотка пойдут семьи столичных вельмож, разжалованные в рабство.

— Эка жалость, — подхватил другой голос. — Вчерашние господа теперь станут холопами. Интересно, наш хозяин прикупит парочку для дома? Хотя бы поглядеть, как выглядят эти благородные господа.

— Окстись! Станет наш барин так рисковать!

Один из слуг понизил голос до заговорщицкого шепота:

— Эти бедолаги — выжившие родственники мятежников, устроивших Инцидент у Восточных ворот полгода назад. Купишь такого — и сам на плаху загремишь за укрывательство изменников!

Разгрызая очередную засахаренную ягоду, Сяо И подошёл ближе и бесцеремонно вклинился в разговор:

— А что за инцидент у Восточных ворот?

Слуга недовольно отмахнулся:

— Иди отсюда, малец. Не твоего ума дела.

Сяо И протянул ему оставшуюся половину своей шпажки и с хитрой усмешкой подмигнул:

— Давай меняться.

Мужчина покосился на блестящие в лучах солнца ягоды в густой карамели, сглотнул слюну и быстро забрал угощение.

Откусив сразу две штуки, он принялся торопливо рассказывать, пока карамель таяла на языке:

— Полгода назад великий князь Ле, Мо Ле, прорвался через Восточные ворота столицы. Старого императора его гвардейцы расстреляли из луков, а всех принцев и принцесс вырезали под корень прямо в Императорском городе. После этого князь сам сел на трон. Вот это и называют инцидентом у Восточных ворот.

Остальные слуги подобрались поближе, жадно внимая опасным слухам.

Рассказчик, довольный всеобщим вниманием, приосанился:

— Понятное дело, кое-кто из министров попытался перечить новому владыке. Кончилось всё тем, что бунтовщикам поотрубили головы, а их семьи сослали на каторгу и продали в рабство. Об этом вообще-то говорить запрещено, так что вы помалкивайте у меня!

— Вырезать всех наследников? Суровый мужик, — покачал головой Сяо И. — А почему пособников не казнили? К чему эта половинчатость?

— Ты шутишь? — хмыкнул один из конюхов. — В каждом таком роду по несколько сотен человек. Если казнить всех родственников и прислугу, пришлось бы залить кровью пол-империи. У нашего хозяина и то пара сотен арендаторов да три десятка челяди, а у столичных господ челяди тысячи.

— Но и рабство не слаще смерти, — вздохнул кто-то в толпе. — Какая уж тут жизнь, когда тебя продают как скотину?

Заметив, что разговор заходит слишком далеко, обладатель сладкого трофея поспешил закончить беседу:

— Всё, разбежались. Мал еще такие разговоры вести, накличешь беду на наши головы.

Сяо И задумчиво потер подбородок.

«Разжалованные в рабство отпрыски благородных семейств... Действительно, незавидная участь».

В его захолустной деревушке жили одни неграмотные крестьяне, от которых проку в коммерции было мало. Что, если отправиться на этот невольничий рынок и присмотреть себе парочку образованных столичных юнцов для ведения дел?

<http://bllate.org/book/18182/1751582>